

Спланированная Исааком Яковлевичем Всероссийская конференция состоялась 10—11 марта 2005 года. Она приобрела мемориальный характер и вошла в историю как «Первые Лойфмановские чтения».

Ниже вниманию читателя предлагаются последняя работа И. Я. Лойфмана «Познавательные отношения и абсолютные ценности научного разума (читая И. Канта)», которая легла в основу его доклада на «круглом столе» «Философия Канта и современность» на кафедре философии Института философии и права УрО РАН, а также материалы конференции «Первые Лойфмановские чтения: Аксиология научного познания», вобравшие в себя ответ творческого замысла ее Организатора, редакторские пожелания и замечания которого были учтены всеми авторами настоящего издания.

Ю. И. Мирошников,
д-р филос. наук, зав. кафедрой философии
Института философии и права УрО РАН

И. Я. Лойфман

ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И АБСОЛЮТНЫЕ ЦЕННОСТИ НАУЧНОГО РАЗУМА (ЧИТАЯ И. КАНТА)

Развивая в контексте диалектико-материалистической философии фундаментальную идею И. Канта об активной роли субъекта в познании, можно утверждать, что научный разум как познавательная способность человека и выражение его познавательных потребностей раскрывается во взаимодействии субъекта и объекта. Познание объекта как такового, «самого по себе» и его оценка, определение значимости объекта для субъекта, друг друга обуславливают и вне этого взаимного отношения просто не существуют. В сущности, познавательные отношения научного разума являются ценностно-познавательными, а его ценностные отношения являются познавательно-ценностными. В реальном процессе познания оба типа отношений нераздельны, представляют собой единство противоположностей, через диалектику которых «вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины, и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку»¹.

Сопряженность гносеологических и аксиологических измерений научного разума представлена в ценностных регулятивах на-

учного познания и в ценностных характеристиках научного знания². Ценностная нейтральность научного знания, независимость теоретического разума от разума практического, когний от интенций, объяснения от понимания — не более чем абстракция познающего субъекта, упускающего экзистенциальный характер человеческого познания. Заметим в этой связи, что И. Кант утверждал единство теоретического разума с практическим, а также считал, что «мысли без содержания пусты, созерцания без понятий слепы»³. На этой позиции стоит и современная герменевтика. Согласно П. Рикеру, понимание, образующее смысл интерпретации, предваряет, сопутствует и завершает объяснительные процедуры; «понимание без объяснения слепо, а объяснение без понимания пусто»⁴. В общем плане познавательные отношения научного разума сопряжены с его исходными ценностями, о которых речь пойдет далее.

В отношении к объекту (исходное познавательное отношение) научный разум выступает как предметно-концептуальное осознание бытия, идеальное объективно-истинное отображение объекта субъектом в научных понятиях и теориях, в научной картине мира. Интенцией научного разума в данном отношении является движение к истине как процесс перехода от неполного знания к более полному, который никогда не может прекратиться, ибо мир неисчерпаем. Идеалом, абсолютной (безусловной) целью субъекта науки, детерминирующей его деятельность, является достижение всеобъемлющего, то есть абсолютного, знания о природе, обществе и человеке. Абсолютное знание о мире дано науке актуально и потенциально, в целом же научное познание есть бесконечное историческое движение к абсолютной истине через истины относительные. Абсолютная истина — это культурно-исторический идеал субъекта науки, исходная объективная ценность научного разума.

В отношении к практике (центральное познавательное отношение) научный разум выступает как оперативно-технологическое осознание бытия, идеальное рациональное преобразование субъектом объекта, научное обоснование практики, ее предвидение и обобщение. В марксистском понимании внутренне неограниченная человеческая способность познания не есть последняя основа бесконечного прогресса познания. Сама эта способность производна от способности человека к потенциально безграничному преобразованию окружающего материального мира, так что абсолютность познания обусловлена абсолютностью практики. Интенцией научного разума в отношении к практике является ориентация на благо человека и человечества, развитие человечества посредством

развития науки (В. И. Вернадский). Смыслом, абсолютной (безусловной) целью деятельности субъекта науки является удовлетворение фундаментальных потребностей человека и создание более совершенного природно-социального мира. Всеобщее благо — это культурно-исторический идеал субъекта науки, исходная интересующая ценность научного разума.

В отношении к субъекту (завершающее познавательное отношение) научный разум выступает как оценочно-экзистенциальное осознание бытия, идеальная гуманистическая оценка субъектом его отношения к объекту и к собственной деятельности, как средство и момент очеловечивания действительности, самореализации и самоизменения субъекта. Человек познает действительность, чтобы преобразовать ее, подняться над ней, обрести свободу. Можно сказать, что объективно-истинное знание несет в себе прогрессивное содержание, ибо оно в конечном счете служит объективному ходу истории, расширяет свободу исторического действия людей, их господство над природой и над самими собой. В известном смысле и отношении знание есть бытие свободы, а свобода, согласно И. Фихте, есть абсолютная субъективность. Кантовское понятие свободы как способности ставить любые цели вообще предполагает подчинение свободы закону долженствования, причем моральный закон есть императив, который повелевает категорически. Интенцией научного разума в этом плане является свобода творчества. Она предполагает ответственность и неотделима от продуктивной критики существующего, которая и ведет к научным открытиям. Интеллектуальная свобода — это культурно-исторический идеал субъекта науки, исходная субъективная ценность научного разума.

Как и познавательные отношения научного разума, его исходные абсолютные ценности системно связаны деятельностью субъекта. Будучи культурно-историческими идеалами научной деятельности, абсолютная истина, всеобщее благо и интеллектуальная свобода призваны служить образом образов, целью целей и мотивом мотивов человеческой деятельности. Они обуславливают друг друга, детерминируя деятельность субъекта науки объективно-интерсубъективно-субъективно: истина измеряется благом, а благо реализуется благодаря истине; истина освобождает, а свобода ведет к истине. Эта системная детерминация имеет трансисторический характер, приобретая конкретно-историческую форму в традиционном, индустриальном и информационном обществах. В современной науке восхождение к абсолютной истине, воплощенной в научной картине мира, направлено на постижение статистической гармонии мира, коэволюции человека и природы; осуществление все-

общего блага, адекватно выражающего интересы всех, выступает как сохранение жизни на земном шаре. Интеллектуальная свобода ученого должна быть гуманистически ответственным свободомыслием, решительно исключающим всякую лженауку. У входа в науку, как и у входа в ад, писал К. Маркс, должно быть выставлено требование: «Здесь нужно, чтоб душа была тверда; здесь страх не должен подавать совета»⁵.

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 42. С. 290.

² См.: Кузнецов Б. Г. Ценность познания. М., 1975; Наука и ценности. Новосибирск, 1987; Лойфман И. Я. Отражение как высший принцип марксистско-ленинской гносеологии. Свердловск, 1987; Микешина Л. А. Ценностные предпосылки в структуре научного познания. М., 1990.

³ Кант И. Соч.: В 6 т. М., 1964. Т. 3. С. 155.

⁴ Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. М., 1995. С. 187.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 9.

С. З. Гончаров
г. Екатеринбург

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ УЧЕНИЯ КАНТА О МЫШЛЕНИИ

И. Канта, отмечает П. Гайденок, критикуют материалисты и идеалисты, рационалисты и интуитивисты: то «апология», то «синдром ненависти»¹. Многие ждут от Канта решения их собственных научных проблем. Но автор «Критики чистого разума» ясно определил в этой работе, какие проблемы он лично решал. Он неоднократно отмечал, что рассматривает «субъективные источники, составляющие априорную основу возможности опыта с точки зрения их трансцендентальности, а не эмпирического характера»², т. е. в аспекте всеобщего и необходимого. К таким источникам он относил *«чувство, воображение и апперцепцию»*³. В решении этих проблем Кант предложил *радикально новое* понимание мышления и его форм: с позиций *свободной самостоятельности «я»*, свободы воли субъекта; в аспекте единства *чувственно-конкретной и абстрактно-однородной* сторон деятельности; в связи с *самосознанием* субъекта, а не как действия технического порядка; определение форм мышления из единой основы — *схем однородного времени*, которые выражают *последовательность действий в идеальном производстве предмета*.

Парадигма конкретной и абстрактной сторон деятельности была применена К. Марксом в «Капитале» и вошла в теоретический